

Анатолий Степанович Скрипкин

профессор, доктор исторических наук,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
заведующий кафедрой археологии
и зарубежной истории ВолГУ

«МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ» В МОЕМ УНИВЕРСИТЕТЕ

1. Вместо предисловия

Прежде чем решиться познакомить читателя со своими воспоминаниями о том, как создавался Волгоградский государственный университет, я задал себе вопрос: для кого и для чего я буду это делать? В шутку вспомнил первые строчки из труда отца истории Геродота:

«Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности...»

Кстати, слово «варвары» во времена Геродота еще не носило одиозного оттенка. Варварами эллины называли негреческое население, для них и цивилизованные египтяне были варварами. Не мня себя новым Геродотом, но ощущая свое родство с ним по ремеслу, я решил описать отдельные эпизоды из жизни университета в первые годы его существования так, как я их воспринимал тогда и как они сохранились в моей памяти. Это не строгое документально подтвержденное повествование. Если и будут воспроизводиться какие-то материалы прошлого, то они носят неофициальный характер и происходят из личного архива автора.

Изложить историю Волгоградского государственного университета с начала его основания на строгой документальной основе можно и через сто лет. Архивные материалы всегда найдутся. У нас уже сейчас есть свой летописец университета – Сергей Григорьевич Сидоров, издавший два выпуска по его истории с опорой на основательную документальную базу.

Однако вне поля зрения имеющихся и возможных будущих сочинений, основанных на архивных данных по истории нашего университета, останутся взаимоотношения первых его сотрудников, их переживания, восприятие ими и оценка того, чем они занимались. Сухая статистика прошедшего не передает тех эмоций, которые часто играли не последнюю роль во многих начинаниях, связанных со становлением университета. К сожалению, информация такого плана имеет тенденцию к сужению: с одной стороны, все меньше становится свидетелей тех лет, с другой – отдельные события стираются в памяти оставшихся первопроходцев. Наступит время – и все переживания, заботы и мечты первых энтузиастов, пришедших создавать Волгоградский государственный университет, как говорили те же древние греки, канут в Лету.

Идея опубликовать воспоминания первых работников университета давно витала в воздухе. Я об этом неоднократно имел разговор с первым ректором университета – Максимом Матвеевичем Загоруйко. А когда ко мне на кафедру зашел Ростислав Леонидович Ковалевский и сказал, что хватит говорить, а надо садиться и писать, я сразу же, хотел сказать – «взялся за перо», нет – сел за компьютер.

Еще раз повторяю: все, что вы прочтете ниже, – это мои личные впечатления о первых годах моей работы в университете. Кстати, жанр, выбранный мною, во многом характерен и для «Истории» Геродота.

2. Как я стал первым преподавателем университета

Бывают трудные периоды в жизни, требующие напряжения сил, траты здоровья. В это время мы многое клянем, жалуемся на преследуемые стрессы, на то, что не можем нормально отдохнуть и просто выспаться. Но проходит время – и оказывается, что эти годы были самыми яркими в твоей жизни. Именно они наиболее отчетливо запечатлелись в твоём сознании. Ты начинаешь осознавать, что без тех трудных дней и лет твоя жизнь была бы намного беднее. Более того, по прошествии многих лет это время начинает вспоминаться с чувством какой-то щемящей ностальгии. Именно такие ощущения вызывают в памяти первые годы моей работы в Волгоградском государственном университете.

Первым преподавателем университета я стал не за какие-то заслуги, а по воле случая. Речь ведь идет не о том, что я стал первым среди других преподавателей университета, а первым преподавателем вообще в истории университета, поскольку до меня таковых не было.

Закончив службу в рядах Советской армии, я поступил на историко-филологический факультет Волгоградского государственного педагогического института, на историческое отделение. Такой выбор определился тем, что с детства я любил историю, много читал художественной литературы на разные исторические темы, в школе занимался в историческом кружке. Во время обучения в пединституте увлекся археологией, участвовал в рас-

копках в составе археологической экспедиции, выступал с докладами на студенческих конференциях. Успешно окончив институт в 1966 году, был оставлен в нем для преподавательской работы. В сентябре того же года начал читать лекции по археологии для студентов первого курса. Через несколько лет для меня было выделено целевое место для поступления в аспирантуру Института археологии АН СССР. Три года обучения в аспирантуре в Москве дали мне многое. Я имел возможность общаться с известными учеными, которых раньше знал только по их книгам. Вернулся я в Волгоград в 1974 году уже молодым кандидатом наук.

За время моего отсутствия в Волгограде в пединституте появился новый ректор – Максим Матвеевич Загоруйко. Я был приглашен к нему на собеседование, но детали этой встречи с ним не сохранились в памяти. Работой меня завалили основательно как на кафедре, так и за ее пределами. Кроме чтения нескольких курсов, в том числе и новых для меня, я был включен в состав приемной комиссии. В мае был направлен в инструктивный пионерский лагерь, в сентябре меня со студентами отправили в колхоз на уборку помидоров. В общем, началась обычная жизнь преподавателя советского вуза.

Встретившись впервые с Максимом Матвеевичем, я не предполагал, что судьба меня сведет с ним на долгое время. Руководителем Максим Матвеевич был энергичным: он вникал во все, неожиданно появлялся на какой-либо кафедре, в библиотеке, столовой и в самых потаенных местах пединститута. Вспоминаю такой случай. Мне в 1975 году удалось заключить крупный договор на исследования археологических памятников в зоне строительства оросительных систем в Заволжье. На средства, предусмотренные договором, была создана археологическая лаборатория, утвержден штат сотрудников, с размещением которых возникла проблема, которая, по-моему, является вечной для наших вузов. Поскольку решение вопроса о размещении затягивалось, мы проявили инициативу. В центральном здании пединститута, с обеих сторон парадного входа, находятся широкие лестницы, соединяющие первый этаж с подвалом, которые не использовались. Они предназна-

лись, видимо, для каких-то экстремальных целей. Многие годы эти лестницы были завалены поломанной мебелью и разным хламом. Мы расчистили одну из лестниц и поставили там свои шкафы и столы. Буквально через несколько дней в нашей вновь обретенной лаборатории появился Максим Матвеевич. Поблагодарив нас за расчистку лестницы, он здесь же на стене написал фломастером, к какому числу мы эту лестницу должны были покинуть. Оказалось, что мы нарушаем правила пожарной безопасности.

Более внимательно, как мне показалось, Максим Матвеевич стал относиться ко мне после одного из заседаний ученого совета, посвященного развитию научных исследований в институте, и в частности хозяйственных работ. Я был приглашен на этот совет и принял участие в обсуждении обозначенной темы. Ректору мое выступление понравилось, о чем он сказал в своем заключительном слове. В 1979 году я был назначен заведующим кафедрой всеобщей истории, естественно, при поддержке ректором моей кандидатуры. Так случилось, что в том же году наша кафедра занял первое место в институте по итогам социалистического соревнования между его подразделениями (в то время рейтинги кафедр не определялись). Кафедру наградили грамотой и вымпелом, а мне, как заведующему, ректор вручил наручные часы, которое я храню и сейчас.

К этому времени стали усиленно распространяться слухи об открытии в Волгограде университета. Моя первая причастность к университету проявилась в том, что я решил написать письмо в газету «Волгоградская правда», являвшуюся тогда главной областной газетой, в котором просил ответить, насколько реальны эти слухи. Газета откликнулась статьей, в которой упоминалась и моя фамилия. В ней говорилось, что, действительно, ведется подготовительная работа по открытию в Волгограде университета – создается ректорская группа.

В начале 1980 года я узнал, что ректором создаваемого Волгоградского государственного университета назначен Максим Матвеевич Загорулько. Примерно в марте того же года я встретился с ним в коридоре пединститута (он уже был освобожден от обязанности ректора этого заведения) – у нас

состоялся очень короткий разговор. Максим Матвеевич спросил меня: «Ты хочешь работать в университете?». Я ответил утвердительно. Эта встреча круто изменила мою жизнь. Тогда мне показалось, что она была случайной. Но жизнь доказала обратное. У Максима Матвеевича к тому времени уже сложилось определенное представление обо мне, и, полагаю, положительное. С позиции сегодняшнего дня, я четко осознаю, что уже тогда он отбирал в университет тех людей, которые вместе с ним разделят всю тяжесть работы, да и ответственность по созданию нового высшего учебного заведения. Из пединститута им были приглашены преподаватели: я, Р.Л. Ковалевский, С.П. Лопушанская, Т.В. Максимова, Т.В. Кондольская. Никто из этой пятерки не ушел из университета, несмотря на тяжелейшую работу, особенно в первые годы после официального открытия университета, когда легко можно было сломаться. Уже нет в живых Т.В. Кондольской и С.П. Лопушанской, а здравствующие из этих пятерых, судя по всему, связали свою жизнь на все оставшееся время с Волгоградским государственным университетом.

Официально я был зачислен в штат университета 4 апреля 1980 года. В то время университет – это один стол и стул, которые помещались в кабинете инструкторов отдела науки и учебных заведений Волгоградского обкома КПСС, в здании, где сейчас находится Администрация Волгоградской области. За этим столом я и написал заявление о приеме на работу в университет.

3. Тулаковский период

Через некоторое время университету выделили двухкомнатную квартиру на первом этаже в одном из домов по улице Тулака, рядом с деревообрабатывающим заводом им. В.В. Куйбышева. Время нахождения университета здесь можно выделить в один из первых периодов в его истории. Он имел свои характерные черты. Во-первых, мы укрупнились (период одного стола был пройден). К тому же он отличался еще и тем, что университет вроде бы и существовал, но студентов в нем не было. Время с апреля по первые месяцы лета отводилось, в первую очередь, для формиро-

вания управленческого аппарата университета и подбора преподавательского состава. У меня сохранился интересный документ о кадровом составе университета на 19 апреля 1980 года. В это время шло ускоренное строительство здания университета: чтобы не затягивать его ввода в строй, за основу был взят типовый проект школы. Сейчас в этом здании находится факультет физики и телекоммуникаций. Имеющиеся в наличии на то время сотрудники, во главе с ректором, принимали участие в субботниках, помогали строителям, в основном что-то выносили или подносили. В один из таких субботников, пришедшийся на указанную выше дату, я переписал всех его участников (была стопроцентная явка).

Итак, сотрудники университета – участники субботника на строительстве здания университета 19 апреля 1980 года:

1. М.М. Загорулько – ректор университета.
2. В.М. Волчков – проректор по учебной работе.
3. Ю.И. Папин – проректор по капитальному строительству.
4. О.А. Рощин – проректор по АХР.
5. А.С. Скрипкин – доцент.
6. С.Н. Камскова – секретарь ректора.
7. Т.Ф. Михайлова – старший лаборант.
8. Г.А. Пылинская – библиотекарь.

На одного доцента – ректор и три проректора (уникальный случай в истории высшей школы). Можно обратить внимание на отсутствие важной должности в этом составе университета – бухгалтера. Зарплату в те месяцы нам начисляла бухгалтерия политехнического института.

4. Первая командировка

В первую свою командировку от университета я отправился в Саратов вместе с Максимом Матвеевичем. Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, который в 2009 году отметил свое 100-летие, Министерством образования был назначен куратором вновь создающегося Волгоградского государственного университета. Командировка состоялась в первой половине апреля 1980 года, когда, кроме нас и проректора по строительству, в штате была еще секретарь

ректора – Светлана Камскова. Поскольку местом работы проректора была стройка, Максим Матвеевич закрыл университет (квартиру на улице Тулака) на ключ, Светлану отправил домой – и мы поехали в Саратов.

В Саратовском университете нас радушно встретил его ректор – Анатолий Михайлович Богомолов, в те времена достаточно авторитетная фигура в университетских кругах. Беседа за хорошим коньяком состоялась в его кабинете. Он расспрашивал нас, чем мы располагаем. Узнав, что в настоящий момент основная часть сотрудников Волгоградского государственного университета находится перед ним, Анатолий Михайлович процитировал в несколько измененном виде М. Горького: «Безумству храбрых поем мы славу!». Потом я очень часто вспоминал этот эпизод. В те дни я еще не осознавал, во что ввязался.

То первое знакомство с Саратовским университетом сыграло большую роль в становлении нашего университета, особенно в первые годы его существования. Библиотека Саратовского университета – одна из крупнейших вузовских библиотек страны – начала оказывать помощь в формировании библиотеки нашего университета. У нас установились хорошие отношения с директором библиотеки – Верой Александровной Артисевич, опытным работником, удивительнейшим человеком, заслуженным деятелем культуры РФ, почетным гражданином города Саратова, имеющей многие другие звания и награды. Трудно поверить в то, что директором библиотеки СГУ она была в течение 67 лет – с 1932 по 1999 год. Но это так. Теперь этой библиотеке присвоено имя Веры Александровны. Мы договорились о том, чтобы преподаватели Саратовского университета, известные профессора, приезжали в Волгоград и проводили занятия с нашими студентами, согласовали вопрос об обслуживании нашего университета издательством Саратовского университета, поскольку у нас в этом отношении не было никакой базы, а научную и методическую литературу надо было издавать.

Во время первой командировки решил-ся один важный вопрос и лично для меня. Анатолий Михайлович, в ходе нашей беседы с ним, попросил зайти к нему в кабинет ди-

ректора издательства СГУ Владимира Петровича Толстова, чтобы определить наши дальнейшие взаимоотношения. После того как ректор ввел его в суть проблемы, Владимир Петрович спросил: «С чего начнем?». Неожиданно для меня Максим Матвеевич сразу же среагировал на вопрос: «Давайте начнем с того, что вот у Скрипкина готова рукопись монографии – ее надо издать». Понятно, что тогда конкретного издательского плана у нас не было, а предложение Максима Матвеевича сразу способствовало переходу от общих разговоров к конкретному делу. Так моя первая монография «Нижнее Поволжье в первые века нашей эры» стала первой книгой, изданной преподавателем Волгоградского государственного университета.

С издательством Саратовского университета и его директором у нас установились хорошие отношения. Обязанности по развитию этих отношений были возложены на меня и Софию Петровну Лопушанскую. Бесчисленное количество раз мы с ней вместе ездили в Саратов, обычно поездом, а один раз – дажеплыли на пароходе. Поезд прибывал в Саратов очень рано – где-то около 5 часов утра, а издательство начинает работать в 9 часов. Несколько часов мы досыпали в зале ожидания на вокзале. Вечером, решив все дела, снова на вокзал – и домой. Первые наши научные сборники выходили под грифом Саратовского университета. Сейчас я не могу сказать, сколько их вышло вообще, но только по археологии было издано три сборника. Моя вторая монография под докторскую диссертацию также была издана в Саратове. Я даже стал встречать в литературе ссылки на работы «саратовского археолога А.С. Скрипкина».

5. Обретение университетом студентов

Постепенно приближалось лето 1980 года, и перед нашим небольшим коллективом все реальнее вырисовывалась проблема первого набора студентов в университет. Надо было организовать надлежащую рекламу специальностям, открываемым в университете; создать экзаменационные комиссии, технический штат приемной комиссии, подготовить экзаменационные задания. К лету в штате университета

было по одному-два преподавателя по каждой специальности. Кроме забот о приемной комиссии, мы проводили большую работу по подбору преподавательского состава университета. Публиковали объявления, приглашали на собеседования кандидатов на вакантные места. Хлопот было много. Уже с тех первых месяцев существования университета стало зачислять строительство его здания, потом это превратилось в традицию.

Каждый день начинался с планерок, которые проводил Максим Матвеевич. Мы получали задания, зачастую трудновыполнимые, но время поджимало – отступать было некуда: за нами было 1 сентября – начало учебного года в новом Волгоградском университете.

Уже подходило время приема документов, а приемную комиссию негде было размещать. Было принято решение – подготовить часть здания университета, которое еще не было сдано в эксплуатацию, с входом в приемную комиссию, противоположным парадному подъезду. В этой части здания, располагавшегося в районе остановки «Обувная фабрика», на первом этаже, строители довели до кондиции одну большую аудиторию и комнату, покрасили пол в коридоре. Здесь и разместили приемную комиссию. На мою долю выпала еще одна обязанность – быть ответственным секретарем этой комиссии (должность достаточно хлопотная). Ответственный секретарь отвечал за слаженность работы всей приемной комиссии и подчинялся только ректору, который являлся председателем приемной комиссии. Опыта у меня в решении этого вопроса никакого не было, пришлось брать уроки у работников приемных комиссий различных вузов Волгограда, съездить в Саратовский университет и познакомиться с организацией приема студентов там.

Должность ответственного секретаря приемной комиссии я исполнял несколько лет подряд. Первый год – по необходимости, а потом – как набравшийся опыта. Для меня сложность пребывания в этой должности заключалась в следующем. С 1981 года мы стали организовывать археологические экспедиции, привлекая хоздоговорные средства, причем этим тоже приходилось заниматься мне. Однако летом, вместо того

чтобы работать в экспедиции, я должен был заниматься приемом студентов.

Приемную комиссию мы все же создали к сроку: пригласили опытных школьных учителей, преподавателей вузов. По результатам вступительных экзаменов набрали и первых студентов – 250 человек (по 50 на каждую открытую специальность: «Математика», «Физика», «История», «Романо-германские языки и литература», «Русский язык и литература»). Мы думали, что справились с трудной задачей, но оказалось, что все это – цветочки: на наш небольшой коллектив неотвратимо накатывались во много раз более сложные проблемы.

Главная из них – не укомплектован преподавательский состав университета. По каждой специальности нужно было преподавать разные дисциплины. Например, по специальности «История» надо было читать лекции и проводить семинарские занятия по истории Древнего мира, археологии, этнографии, истории первобытного общества, истории СССР. Кроме того, надо было обеспечить 50 студентов темами курсовых работ и осуществлять руководство и контроль над их выполнением. В начавшемся же учебном 1980/81 году в университете в штате преподавателей по специальности «История» был один доцент – А.С. Скрипкин.

К этому еще надо добавить, что коллеги оказали мне честь и выбрали секретарем партийной организации университета. Должность, по тем временам, достаточно ответственная: надо было проводить политику партии в жизнь, разрабатывать разные планы реализации решений съездов партии и многочисленных пленумов, отчитываться на партийных собраниях и перед вышестоящими партийными организациями; организовывать работу студенческой комсомольской организации и всю многосложную воспитательную работу. Должность секретаря партийной организации университета не являлась освобожденной, а выполнялась на общественных началах. Откровенно скажу, что я был абсолютно неготов к этой работе – меня она очень тяготила. К тому времени я был уже известен в своих научных кругах как активный полемист на разного рода конференциях, как автор целого ряда серьезных работ, но подготовить доклад и выступить с ним на партийном собрании для меня было великой мукой.

У читающего эти строки может возникнуть вопрос: почему оперативно не принимали на работу преподавателей с учеными степенями и званиями? Более того, я могу сказать, что желающих работать в университете было много. Приходила масса писем, с которыми нам же и приходилось работать. Но формирование преподавательского коллектива – это очень сложная проблема. Надо было приглашать достаточно квалифицированных специалистов, нелишним было удостовериться в их личных качествах. В этом отношении ректор университета Максим Матвеевич занял правильную позицию, – даже в ущерб времени, принимать достойных людей. Большое дело лучше делать с грамотными и порядочными людьми. Кроме всего прочего, документы на каждого претендента проходили проверку в партийных и компетентных органах. Иногда эта процедура затягивалась надолго.

В общем, учебный процесс значительно опережал комплектование преподавательского состава университета. И если с первым набором студентов был создан один общий факультет – естественных и гуманитарных наук, то кафедры сначала существовали номинально – их не из кого было создавать: так, кафедру истории, созданную приказом от 1 августа 1980 года, я представлял один, являясь и ее заведующим, и ее коллективом.

С началом учебного года время уплотнилось до невероятных пределов. Для меня особенно трудными были первые три года. Я никогда не работал с таким напряжением сил, ни до, ни после этих лет. Приходилось держать фронт в студенческих аудиториях, выполнять всю остальную работу по подбору преподавательского состава, заниматься разными поручениями, связанными с развитием университета, организовывать студенческую жизнь. Надо было не забывать и научную работу. Обычно было так: отчитав 3–4 лекции, продолжаешь заниматься всей остальной работой. Домой приезжаешь уже затемно, но необходимо подготовиться к занятиям на следующий день. Кроме лекций по ряду предметов у историков, я читал еще общий курс по истории СССР у филологов, поскольку некому больше было. До этого я, вообще, эту дисциплину нигде и никому не преподавал. Конечно, долго такой темп невозможно было выдержать – и нам во многом помогали

приглашенные преподаватели из других университетов: Саратовского, Воронежского, Краснодарского, Горьковского. Я с благодарностью вспоминаю преподавателей Саратовского университета: профессора Игоря Васильевича Пороха, доцентов Ивана Васильевича Галактионова, супругов Кац – Владимира Ивановича и Таисию Павловну и других, каждый из которых приезжал на несколько дней и интенсивно вычитывал темы того или иного курса. Они привозили с собой необходимую литературу к читаемым ими дисциплинам, которой тогда не располагал университет. Так, И.В. Галактионов всегда появлялся на вокзале с увесистым рюкзаком, набитым книгами. Мы его встречали и на ректорской «Волге» доставляли в университет. Но приезжие преподаватели уезжали, а мы, «глотнув свежего воздуха», вновь занимали место за кафедрами.

В январе 1981 года окончательно в Волгоград из Уральска перебрался Б.Ф. Железчиков и включился в работу со студентами-историками. Понемногу штат преподавателей в университете увеличивался, но до полного комплекта кафедр было еще далеко – это объяснялось и объективными причинами: многие дисциплины на открытых специальностях должны были преподаваться на старших курсах, которых у нас еще не было, и естественно, что специалисты по ним должны были появиться позже.

У меня сохранился еще один интересный документ того времени. Максим Матвеевич поручил мне представить ему записку о структуре будущего исторического факультета классического университета: сформулировать название кафедр, указать наличный состав преподавателей и предполагаемых кандидатов на вакантные места.

Привожу выдержку из моей записки, написанной в начале 1981 года.

Наименование кафедр исторического факультета Волгоградского государственного университета:

1. Древней истории, археологии и этнографии.
 2. Средних веков.
 3. Истории СССР. Досоветский период.
 4. Истории СССР. Советский период.
 5. Новой и новейшей истории.
- Наличный состав преподавателей:

1. А.С. Скрипкин – кандидат исторических наук, доцент.
2. Б.Ф. Железчиков – кандидат исторических наук.

3. В.Н. Игнатов – лаборант.

4. Вакансии – реальные кандидаты отсутствуют.

Не то чтобы вообще не было желающих – они были, но не было конкретных решений по какой-либо кандидатуре. Принимая человека на работу во вновь создаваемую организацию, каковой являлся наш университет, надо было быть уверенным, что он если не навсегда, то, по крайней мере, надолго свяжет свою жизнь с нашим коллективом. Ректор всегда открыто говорил кандидатам, желавшим работать в университете, о тех трудностях, которые их ожидают. Многие, поступив на работу, не выдерживали и уходили.

Приведу еще один из ранних документов: «Список участников Первомайской демонстрации 1980 года». Он несколько пополнился, по сравнению с серединой апреля, и включал всех принятых к тому времени на работу в университет:

1. М.М. Загоруйко – ректор университета.
2. В.М. Волчков – проректор по учебной и научной работе.
3. Ю.И. Папин – проректор по капитальному строительству.
4. О.А. Рошин – проректор по АХР.
5. П.А. Шабалин – инженер.
6. Т.Ф. Михайлова – старший лаборант.
7. С.Н. Камскова – секретарь ректора.
8. Л.А. Чернышова – заведующая канцелярией.
9. А.С. Скрипкин – доцент.
10. Т.В. Кондольская – преподаватель.
11. Г.А. Пылинская – библиотекарь.

Из одиннадцати человек, принятых к тому времени на работу в университет, только двое, вплоть до настоящего времени, продолжают трудиться в ВолГУ – М.М. Загоруйко и А.С. Скрипкин. Остальные, за исключением Татьяны Владимировны Кондольской, скончавшейся, будучи преподавателем университета, покинули университет в первые трудные годы его формирования. Не всем оказались по плечу или по нраву те трудности, с которыми пришлось столкнуться.

Кто-то может сказать, что стареющий А.С. Скрипкин все преувеличивает, мифологизирует прошлое и свою роль в нем. Хочу сказать, что здесь я и сотой доли не описал всех тех трудностей и сложностей, с которыми

ми приходилось сталкиваться первым сотрудникам, пришедшим создавать классический университет. Они во многом были энтузиастами, они зачастую выполняли работу, за которую им никто не платил. Отчитав лекции в студенческих аудиториях, они брали лопаты и месили бетон на строительстве общежития, убирали мусор на строительстве учебных корпусов, выкладывали паркет в библиотечных помещениях, и прочее, и прочее.

6. Первая лаборатория на хоздоговорных началах, ставшая госбюджетной

Таковой стала археологическая лаборатория. У меня к началу работы в университете уже имелся определенный опыт в организации лаборатории такого плана. В 1975 году в Волгоградском государственном педагогическом институте мне удалось создать археологическую лабораторию, финансируемую за счет договоров. В то время на территории нашей области осуществлялось активное строительство достаточно крупных оросительных систем, что создавало угрозу разрушения археологических памятников, в связи с чем строительные или проектные организации обязаны были финансировать их исследование. В течение пяти лет я возглавлял эту лабораторию, сотрудниками которой были в основном студенты исторического факультета пединститута.

Перейдя на работу в Волгоградский университет, я не стал перезаключать договора, поскольку в лаборатории пединститута оставались сотрудники, которые должны были продолжать работу. К тому же к рубежу 70–80-х годов активность строительства оросительных систем в области резко упала. Одной из специфик обучения на историческом факультете является проведение археологической практики студентов после первого года обучения, что связано с организацией экспедиции. Подготовить археологическую экспедицию без должной материальной базы и необходимого штата сотрудников сложно. Встал вопрос о создании археологической лаборатории в университете. Я воспользовался своими старыми связями. В структуре Института археологии АН СССР в то время существовал так называемый «новостроечный сектор», который координировал археологические

исследования в зонах новостроек. Возглавлял этот сектор Ю.А. Краснов, которого я хорошо знал. Во время моего обучения в аспирантуре Института мы с ним состояли в одном – «скифо-сарматском секторе». Я обратился к нему с просьбой помочь с заключением договоров на археологические исследования. В то время продолжали строиться оросительные каналы на Кубани, причем размах этого строительства был огромен. Юрий Алексеевич помог мне связаться со строительными организациями в городе Краснодаре. Сейчас уже не помню: то ли в декабре 1980 года, то ли в январе 1981 года я приехал в Краснодар и согласовал все вопросы о заключении договора на производство археологических исследований в зоне строительства Понуро-Калининской оросительной системы. На основе этого договора в университете была создана археологическая лаборатория. Первыми ее сотрудниками были бывшие студенты педагогического института А.Н. Дьяченко, В.М. Клепиков, И.В. Сергацков, которые ранее работали там в археологической лаборатории и прошли подготовку в экспедиции, руководимой мною. Летом 1981 года мы приступили к раскопкам на Кубани, продолжавшимся вплоть до 1987 года. Там же проходили практику и студенты исторического факультета ВолГУ.

На хоздоговорных началах археологическая лаборатория просуществовала несколько лет, затем возникла возможность перевести ее на бюджетное финансирование. Причем это особая история. Мы подготовили необходимые документы, которые должны подписываться на уровне не ниже заместителя министра. Подписание документов затягивалось. Однажды Максим Матвеевич вызвал меня к себе в кабинет и сообщил, что в Волгограде будет проходить совещание по высшей школе, на котором будет присутствовать тот заместитель министра, в чьей компетенции решить вопрос с нашей лабораторией, и чтобы я держал документы наготове.

Совещание состоялось. Оно длилось пару дней и проходило в тогдашнем политехническом институте. Максим Матвеевич все время находился там. По сценарию он должен был завезти заместителя министра к нам в университет, перед тем как тот отбудет в Москву. Но время шло, а в университете никто не появлялся. Когда оставалось немногим более часа до

отправления Московского поезда, Максим Матвеевич позвонил мне и сказал, чтобы я срочно вез документы по лаборатории на вокзал. На такси я домчался до вокзала. Заместитель министра с группой провожающих, среди которых был и Максим Матвеевич, уже стояли у вагона. Максим Матвеевич взял у меня бумаги и передал их заместителю министра, объяснив их содержание. Я понял, что у них предварительно уже состоялся разговор насчет нашей лаборатории. Заместитель министра взял бумаги и начал соображать, к чему бы их приклонить, чтобы подписать. Прозвучало объявление о том, чтобы провожающие покинули вагоны. Максим Матвеевич мне говорит: «Давай быстро свою спину». На моей спине заместитель министра и подписал документы об открытии в Волгоградском государственном университете археологической госбюджетной лаборатории.

7. Специфика должности «проректор по учебной и научной работе»

Эта должность в университете была введена 12 мая 1980 года. Именно в этот день на эту должность был назначен Валерий Матвеевич Волчков, переведенный из Волгоградского государственного политехнического института. Если Вы обратитесь к книге С.Г. Сидорова, посвященной истории Волгоградского государственного университета, в которой строго, со ссылками на документы, показана динамика его развития, то непременно обратите внимание на частую сменяемость кандидатов на названную выше должность *. Практически за четыре года – с 12.05.1980 по 04.11.1984 – на этой должности побывало пять человек.

Довелось и мне поработать проректором по учебной и научной работе. По счету – я был третьим проректором этого профиля, сменив Ростислава Леонидовича Ковалевского. Отработал я в этой должности 11 месяцев – с 01.09 1982 по 31.07 1983 года.

Частая сменяемость проректоров по учебной и научной работе – это еще один

пример тех трудностей, с которыми приходилось сталкиваться первым работникам университета. Эта проректорская должность предполагала ответственность за все, кроме строительства и АХР. Учебная, научная, воспитательная работа, материально-техническое обеспечение специальностей, комплектование библиотеки и много другое – всем этим должен был заниматься проректор по учебной и научной работе. Сейчас в университете эти обязанности выполняют несколько проректоров.

У меня сохранились весьма яркие воспоминания о моей деятельности в должности проректора. И первое из них – масса бумаг, исходивших от министерства и иных инстанций, и все, что-то требующие от тебя. Министерские чиновники ведь не учитывали, что штат Волгоградского государственного университета только комплектуется, они каждый рожденный ими документ рассылали по всем университетам страны, без учета, старый это вуз или только что открывшийся. Естественно, что все эти бумаги сначала поступали к ректору. Максим Матвеевич на углах большинства из них писал: «А.С. Скрипкину. Разработать план мероприятий», или «А.С. Скрипкину. Подготовить отчет», или «А.С. Скрипкину. Принять к исполнению». Причем устанавливались сроки, когда каждое указание должно быть исполнено. Ректор поступал правильно: он должен был решать стратегические задачи – проблем в его работе было «выше крыши».

Сначала я ретиво взялся за исполнение всех этих указаний, но быстро понял, что справиться с этим потоком не смогу. Помогать было некому. Секретарем у меня была девочка, вечерами школьница, которая, кроме как принести очередную бумагу, больше ничего не умела.

Многое я не успевал сделать. Конечно, переживал. К тому же мне приходилось выполнять практически полную нагрузку преподавателя. Однажды ко мне в кабинет зашел мой хороший знакомый – Леонид Матвеевич Мовшович, который занимал высокую должность в областном Управлении внутренних дел. Посмотрев на мой стол, заваленный бумагами, и выслушав мои стенания, он, умудренный большим опытом чиновничьей работы, сказал мне: «Ты не торопись сразу

* Сидоров С. Г. Волгоградский государственный университет : Люди. События. Факты, 1980–1999. Волгоград, 2000. С. 46.

реагировать на каждую поступающую к тебе бумагу, большую часть их откладывая в сторону. Вот когда придет второй запрос на какую-нибудь из отложенных бумаг, тогда и занимайся ею. Вот увидишь, что о многих полученных тобою посланиях никто и не вспомнит». Откровенно скажу, я воспользовался этим советом.

Закончилась же моя деятельность в вышеназванной должности сердечным приступом. Попал я в Больничный комплекс, который расположен у Мамаева кургана. Тогда там находился филиал кафедры ревматологии Волгоградского медицинского института, которую возглавлял известный ученый профессор Александр Борисович Зборовский.

В Больничном комплексе со мной произошел забавный случай (по крайней мере, я его так воспринимаю сейчас). Мне сказали, что меня осмотрит профессор А.Б. Зборовский. Медицинская сестра препроводила меня в один из кабинетов. Оказалось, что в это время там шло заседание кафедры, которое проводил профессор. В прихожке мне сказали, чтобы я разделся до трусов. Потом меня пригласили в комнату, в которой и проходило заседание кафедры. Картина была следующая: в комнате восседало человек 10–12 – в белых халатах и я – в трусах. Заседание кафедры продолжалось. В обсуждаемом вопросе я исполнял роль экспоната. Почти каждый из присутствующих меня прослушал и простукал, в том числе и профессор. После обсуждения Александр Борисович сказал мне примерно следующее: «Жить будете, молодой человек. Немного подлечим. Отдохнете. Все будет нормально».

С 1966 года я постоянно участвую в заседаниях кафедр, но только единственный раз за все это время на таком мероприятии присутствовал в трусах. Так не очень триумфально закончилась моя деятельность на посту проректора по учебной и научной работе Волгоградского государственного университета. Правда, все же одним достижением на этой должности я горжусь. Я был первым проректором, подготовившим для министерства годовой отчет университета.

8. Как мы с Иваном Григорьевичем Тининым пели частушки

Мы с нашим университетом застали еще те времена, когда «История» считалась одной из наиболее престижных специальностей. Желающих обучаться на историческом факультете было много, – конкурс всегда был большой. Уже в 1982 году в университете по специальности «История», кроме дневного отделения, осуществлялся прием и на вечернее, и на заочное отделения. Всего в этом году по трем отделениям было принято 175 человек. Причем были приняты не все желающие, значительная часть поступавших не сдала вступительных экзаменов или не прошла по конкурсу.

Открытие вечерних, заочных отделений по разным специальностям было целенаправленной акцией руководства университета. Развитие структуры университета, создание новых факультетов зависело от контингента студентов. По тем временам новый факультет по какой-либо специальности можно было открыть при наличии 250 студентов. Молодой университет достаточно быстро стал наполняться студентами. Преподавателей же катастрофически не хватало.

Бывали в течение года такие периоды, когда, например, у историков в одни и те же дни шли занятия на всех отделениях. Лекции, семинарские занятия, зачеты, экзамены – с утра до ночи. Поскольку мои основные дисциплины преподавались на первом курсе, а первый курс был полностью укомплектован на всех отделениях с момента их открытия, мне приходилось очень туго в этот период.

В один из таких дней, закончив все занятия, выжатый до основания, я брел по уже пустому коридору к выходу – кто-то молча шел за мной. Оказалось, что это был Иван Григорьевич Тинин – милейший человек, потомственный дворянин, балагур, знавший бесчисленное количество анекдотов. Он преподавал предмет, называвшийся «Вспомогательные исторические дисциплины». В этот день ему тоже, видимо, пришлось основательно поработать, поскольку молчащим Ивана Григорьевича трудно было представить. Мы молча вышли на улицу и неспешно побрели ко Второй Продольной. Было темно...

Вдруг Иван Григорьевич запел частушку:

На горе стоит ольха,
Вся какая-то гнутая.
Моя милка ...
<...>?

Иван Григорьевич спел эту частушку без купюр. Я подхватил это начинание Ивана Григорьевича и исполнил частушку про сталинградских девчат, которые красотой заносятся (тоже без купюр). Так, поочередно, с какой-то охватившей нас залихватостью, мы пели частушки, пока не дошли до Второй Продольной. Остановившись, мы внимательно посмотрели друг на друга, обнялись и долго хохотали. Полагаю, это был нервный срыв.

9. Орден Паркетной половицы «За особые заслуги перед университетом»

В те первые годы существования университета нам помогал не только оптимизм, но во многом и чувство юмора – благо, что им обладал и наш ректор. В городе и за его пределами было много людей, кто по-настоящему переживал за Волгоградский государственный университет, помогал, как мог. Это были директора заводов и фабрик, ректоры различных вузов, известные ученые, партийные работники и многие другие. Надо было как-то отметить их причастность к созданию университета в Волгограде. Благодарственные письма – старо и не оригинально.

У Максима Матвеевича неожиданно родилась идея награждать «За заслуги перед университетом» паркетной досочкой, которых тогда завезли в университет достаточно много. Они были изготовлены из качественного дерева, негромоздкие и выглядели достаточно прилично. На этой досочке указывались имя, отчество и фамилия награждаемого, перечислялись его заслуги перед университетом, далее следовала подпись ректора, скрепленная университетской печатью. Надпись на паркетную половицу наносил Саша Летучий – чертежник археологической лаборатории. Каллиграфией он владел не хуже ваковского писаря. Последним актом было покрытие половицы прозрачным лаком.

Это была высшая награда нашего университета. Она как бы воплощала частицу самого университета. Как-то Максим Матвеевич сказал: «Вот бы собрать всех, награжденных этими паркетинами, – было бы интересно. Это же отдельный пласт истории университета».

10. Закладной коньяк

С глубокой древности существует обычай при строительстве значимых сооружений в их основании помещать какие-нибудь памятные вещи. В Древней Месопотамии еще в III тыс. до н.э. помещали в фундаменты храмов и дворцов закладные камни с информацией о том, кто и для кого возводит это сооружение. Со временем эта традиция становилась все разнообразней: в фундаменты зданий стали замуровывать капсулы с посланиями к потомкам или просто бутылку шампанского.

С началом строительства так называемой первой очереди Волгоградского государственного университета (это сейчас основное его здание) древняя традиция не была забыта. Как-то раз Максим Матвеевич, приехав на стройку, решил, что надо что-то на память закопать у основания нового корпуса. Я не знаю, какое поручение дал Максим Матвеевич своему шоферу, которого звали Сергеем, но тот привез бутылку коньяка. Поскольку здание возводилось уже на уровне второго или третьего этажа, Сергей закопал коньяк рядом с фундаментом корпуса «Б».

Прошло какое-то время. К нам в университет приехал один из высокопоставленных партийных работников – человек достаточно известный в городе и области, хороший знакомый Максима Матвеевича. Встреча происходила в университетском здании на «Обувной». Возникла идея показать гостю строящееся новое здание университета. Я попал в сопровождающие. К тому времени была практически готова коробка корпуса «Б», правда, еще без окон и дверей и внутренней отделки. Походили по этажам. Максим Матвеевич объяснял, что и где должно располагаться, когда здание будет готово. На третьем этаже Максим Матвеевич завел нас в одно из помещений и торжественно произнес:

– Вот сейчас вы находитесь в кабинете ректора университета!

Этот важный момент решили отметить, но у нас, как оказалось, для этого ничего с собой не было. Максим Матвеевич на правах хозяина быстро решил эту проблему. Он позвал своего водителя и спросил его:

– Сергей, в машине есть лопата?

Тот ответил утвердительно. Далее последовало поручение:

– Бери лопату. Закладной коньяк, ты знаешь, где, – неси его сюда. Завтра закопаешь новую бутылку.

Закладной коньяк был хорош, несмотря на неудобства. Представилась одна из редких возможностей помечтать, какое громадьё учебных корпусов в ближайшие годы будет воздвигнуто на этом пустыре, который просматривался через оконные проемы.

Честно говоря, я присутствовал только при одном вскрытии закладного коньяка.

11. О международном сотрудничестве

Шли годы... Университет успешно развивался... В какой-то период я стал испытывать чувство радости от того, что уже не знал по фамилиям многих его сотрудников. Кроме всего прочего, университет налаживал партнерские связи с зарубежными вузами и научными организациями. Я побывал в Китае, где в городе Шицзячжуане, в местном университете, проводил занятия по истории со студентами, изучавшими русский язык. Вместе с Борисом Федоровичем Железниковым налаживали контакты с историками Оломоуцкого университета в Чехословакии.

Особенно запоминающейся была поездка в Кёльн по приглашению археологов Археологического института при Кёльнском университете. В Кёльн я отправился поездом из Москвы. Это красивый европейский город. Поезд на подъезде к вокзалу пересекает по мосту Рейн. С обеих сторон моста стоят конные скульптуры рыцарей из бронзы. Поезд сразу же с моста въезжает в вокзал.

Меня должен был встречать директор Института профессор Хесберг. Еще с тамбура вагона я заметил молодого мужчину, держащего в руках графаретку, на которой было написано: «A.S. Skripkin». Я сошел на перрон.

Мы, опознав друг друга, начали сближаться. Вдруг из-за находившейся рядом колонны вышла симпатичная девушка с подносом в руках, на котором стояла открытая стограммовая бутылочка армянского коньяка и булочка. Она подошла ко мне и на немецком языке поздравила меня с прибытием в Германию. Я посмотрел на Хесберга: по его вытянувшейся физиономии и широко раскрытым глазам я понял, что он вообще не в курсе происходящего. После небольшой паузы из-за той же колонны вышел улыбающийся Максим Матвеевич Загоруйко и произнес:

– Что ты смотришь? – Пей коньяк.

На глазах совсем ошалевшего немецкого профессора я положительно воспринял акт такого гостеприимства. Девушка (звали ее Ири-на) была студенткой нашего иняза и находилась в Кёльне на стажировке. Потом Хесберг на своей машине довез нас до гостиницы.

Максим Матвеевич приехал в Кёльн на несколько дней раньше меня. Он жил в двухместном номере один – и я поселился у него. С Максимом Матвеевичем мы работали каждый по своей программе. Институт археологии производил достаточно приличное впечатление. Отдельное капитальное здание, видимо, еще довоенной постройки, с прекрасной библиотекой и архивом. В подвальном помещении располагался мощный ксерокс и целый штабель из пачек с бумагой хорошего качества. Одной из моих задач было по возможности ксерокопировать литературу, которую трудно было достать в России. У каждого сотрудника Института был свой личный счетчик, который вставлялся в розетку ксерокса, – и только тогда он мог работать. Счетчик считал количество отпечатанных листов. Строгий учет – все по-немецки.

Профессор Хесберг разрешил мне пользоваться его счетчиком. Днем я работал в библиотеке, общался с немецкими коллегами, а по вечерам, как у станка, стоял у ксерокса и делал распечатки отобранной днем литературы. Как-то раз я похвалился Максиму Матвеевичу о своих печатных делах, он быстро среагировал и стал вечером приходить ко мне в Институт археологии со своими книгами. Хесбергу на его счетчик мы накрутили прилично, правда, он никакого недовольства на этот счет мне не высказал.

Для сотрудников Кёльнского Института археологии я прочитал два доклада: «Участие немецких ученых в археологических исследованиях на территории Нижнего Поволжья» и «Римский импорт в Волго-Донском регионе». В один из дней немецкая бухгалтерия выплатила мне командировочные и почасовые за доклады. Квечеру возвращаюсь в гостиницу – в кармане две тысячи немецких марок. Рядом с тем районом, где находился университет, располагалась улица, на которой разрешалось выставлять на продажу автомобили. Выйдя на нее, я обратил внимание на достаточно товарного вида малолитражку, на стекле которой была указана цена: «400 марок». Мелькнула мысль: «Ведь я могу в данный момент купить пять таких автомобилей!»

С Максимом Матвеевичем мы выбирали время и совершали прогулки по городу. В Кёльне много костелов – один Дом чего стоит (!). Часто на улицах слышится органная музыка. Иногда Максим Матвеевич говорил:

– Анатолий, давай пройдемся по «ихним» шалманам.

Кроме всего прочего, в Кёльне было много магазинов и магазинчиков, пивных – больших и малых: на четыре, а то и на два человека, где подавалось прекрасное пиво «Кёльш».

Иногда происходили забавные истории. Однажды прогуливаясь по одной из кёльнских улиц, я издали заметил молодого человека на велосипеде, который ехал нам навстречу и, глядя на нас, радостно улыбался. Подъехав к нам, он буквально бросился к Максиму Матвеевичу с приветствиями и массой вопросов: «Как Вы? Как Ваше здоровье? Как Ваша супруга и дети?» Соответственно и Максим Матвеевич задавал аналогичные вопросы. Со стороны все это напоминало встречу родственников, давно не видевших друг друга. Молодой человек рассказал, что у него в Германии дела идут хорошо: с женой они имеют магазин, так что Максиму Матвеевичу не стоит о нем беспокоиться – у него все нормально. Он пригласил его непременно побывать у него в гостях. Эта восторженная беседа длилась минут двадцать. Я все это время, как не причастный ко всему происходящему, смиренно стоял рядом. Наконец молодой человек оседлал свой велосипед и скрылся в городской толпе.

Я спросил Максима Матвеевича:

– Кто это?

– Понятия не имею! – ответил он и потом добавил: – Знаешь, за время своего ректорства я столько тысяч принял и выпустил студентов, что каждого запомнить трудно.

Но я понял одно: студенты помнили своего ректора (им это было легче сделать) и почитали его, как отца родного.

В предпоследний день нашей командировки, вечером, мы зашли в один из баров выпить по кружке «Кёльша». С нами была Ирина, практикантка нашего университета, которая принимала участие в церемонии, посвященной моей встрече на Кёльнском вокзале. Она в наших серьезных разговорах с немецкими коллегами исполняла роль переводчицы. Расположившись за столиком, мы с Максимом Матвеевичем заказали пиво, а Ирине – «Kuchen». За пивом я как-то обмолвился о том, что сегодня днем в Институте отметил в своем командировочном удостоверении прибытие и убытие. Максим Матвеевич вдруг задумался, а потом произнес:

– А я забыл отметить свою командировку, а завтра утром уезжать. Что делать?

Мы не знали, что посоветовать ему. Но Максим Матвеевич быстро нашел выход сам. Он обратился к Ирине:

– Послушай, у них в этом заведении должна же быть какая-то печать? Надо позвать того парня, который пиво разносит, и спросить у него о печати. Если она у них есть, то сказать, что вот этот гражданин (он показал на себя) коллекционирует оттиски печатей и хотел бы на память заполучить оттиск печати их заведения.

Мы подозвали разносчика пива, и Ирина все объяснила ему о печати. Парень весело ответил:

– Нет проблем.

Через несколько минут он появился у нашего стола с огромной печатью, которую держал двумя руками. Максим Матвеевич расправил на столе свое командировочное удостоверение и показал, куда надо приложить печать. Парень шлепнул печатью два раза: «Прибыл» и «Убыл». Мы посмотрели на оттиски: на них, в центре, были изображены лошадь, поднявшаяся на дыбы, и большой крест, по кругу была нанесена какая-то

надпись готическим шрифтом. Максим Матвеевич произнес:

– Ну вот и я отметил командировку.

Во время моего пребывания в Кёльне я, с Максимом Матвеевичем Загорулько и Владимиром Анатольевичем Китаевым, профессором нашего университета, был приглашен профессором Кёльнского университета Капеллером на его семинар. Он был специалистом по восточноевропейской истории, прекрасно владел русским языком, много раз бывал у нас в стране, в том числе и в Волгограде. В аудитории собралось около двадцати студентов, существенно различавшихся между собой по возрасту. Мы выполняли, с одной стороны, роль наглядных пособий, с другой – являлись источниками интересной для них информации. Нам задавали вопросы, на которые мы отвечали. После окончания семинара я спросил у Капеллера, сколько числится у него в семинаре студентов. Он ответил, что где-то около двухсот студентов. Я удивился:

– Почему на семинаре было так мало студентов?

На что получил ответ:

– Посещаемость меня не волнует, но на экзамене я предельно строг!

Поездки в Германию для меня представляли значительный интерес. Второй раз я имел возможность побывать в Марбурге, где находится один из старейших немецких университетов. Мне было интересно не только общаться с немецкими коллегами по своей специальности, но и получить информацию о постановке учебного процесса. В Марбургском университете меня поразили два факта. Вновь поступившим в университет студентам вместе со студенческим билетом вручали персональный ключ от библиотеки. В библиотеке не было работников, выдающих литературу – вся она была в свободном доступе. Студент мог ночью открыть библиотеку своим ключом, найти необходимую литературу и заниматься. Кроме того, за студентами в читальном зале (их было несколько) закреплялись места, где можно было не только заниматься, но и оставлять свои вещи. Я спросил у своего знакомого немецкого коллеги, почему у них студенты в библиотеке занимаются ночью. Он мне ответил, что многие из них днем после занятий подрабатывают.

В одной из больших аудиторий этого же университета в форме амфитеатра, где проводились лекционные занятия, за столами верхнего яруса находились не стулья, а столбики на шарнирах. Вход в аудиторию был со стороны верхнего яруса. Оказывается, что на этих столбиках должны были сидеть опоздавшие на лекцию студенты. Сидеть на них было крайне неудобно, приходилось постоянно регулировать положение своего тела при помощи ног, все время напрягаться, чтобы не упасть.

В этом университете я побывал на церемонии вручения магистерских дипломов. Кроме положенных по этому случаю торжественных речей, каждый вновь испеченный магистр должен приготовить какое-нибудь экстравагантное блюдо. Этому блюду присваивался определенный номер. К блюдам выставлялось вино и пиво. Все присутствовавшие должны были попробовать эти блюда и подать записку в жюри с номером наиболее понравившегося ему кушанья. Потом объявлялись победители, которые получали памятные призы. Говорят, что это – традиция. Хорошая традиция!

Еще об одной традиции Марбургского университета. В одном из старейших его зданий находится глубокий обширный подвал со сводчатым потолком, без окон, с одной железной дверью. Стены и пол выложены из больших каменных блоков. В подвале стоит длинный деревянный стол и скамейки вдоль него. Железная дверь в подвал открывается огромным железным ключом. Если какой-то университетский коллектив пожелает что-то отметить, он делает заявку, получает от распорядителя ключ, затаривается всем необходимым, закрывается в подвале и отмечает событие. Единственное достижение цивилизации в этом подвале – электрический свет. Там можно петь, плясать, кричать – ни единого звука оттуда на улицу не доносится. Это было проверено.

То, что было описано выше, – это отдельные эпизоды, в ряде случаев связанные с разрядкой в, общем-то, напряженной работе во время зарубежных поездок. У меня в Германии вышла серия серьезных статей в разных издательствах, моя фамилия чаще стала мелькать на страницах зарубежных изданий. Кроме китайских, чешских, немецких, мне довелось побывать и в ряде американских университетов. Впечатления, контакты – все

это обогащало меня, как вузовского преподавателя, помогало оценить нашу систему высшего образования.

12. Охота на озере Ханата

Работы в университете в первые годы его существования хватало, но мы все же находили время, чтобы отвлечься, хоть на время сбросить всю тяжесть забот и обязанностей, снять негатив от постоянных стрессов. С детства я был заядлым рыбаком, все лето пропадал на Волге. Уже будучи взрослым, приобщился к охоте. Причем в последнем увлечении моими наставниками были мастера спорта по стендовой стрельбе, члены сборной команды Волгоградской области Виктор Колесник, Владимир Аулов. Максим Матвеевич Загорулько тоже очень любил охоту. Иногда мы срывались на утренней зорьке – ехали обычно в Калмыкию, на озеро Ханата.

Это уникальное озеро. Оно расположено в Малодербетовском районе Калмыкии, который граничит с Волгоградской областью. Истинных размеров озера я не знаю – их трудно было определить. Это бесконечное чередование зарослей камыша, куги, малых и больших плесов. Ходить по озеру было нельзя, поскольку ты сразу проваливался в ил до того места, откуда ноги растут. Охотничий люд передвигался по озеру на лодках-плоскодонках при помощи шестов. Лодки были у егеря, которые он выдавал преимущественно уважаемым людям. Мы обычно пользовались лодкой, которая была закреплена за нашими вышеназванными известными волгоградскими охотниками. Ханата заполнялась водой весной за счет таяния снега, кроме того, в озеро сбрасывалась вода из оросительного канала. По тем временам воды в Ханате было достаточно, как и всякой живности, являвшейся объектом охоты.

Далее я воспроизведу две зарисовки, связанные с нашим охотничьим промыслом на этом озере.

Первая из них. На охоту мы обычно выезжали ночью с субботы на воскресенье с таким расчетом, чтобы добраться к озеру до рассвета. В воскресенье, вечером, мы возвра-

щались домой, чтобы в понедельник, утром, быть на работе. В один из таких заездов, оставив машину на берегу, мы с Максимом Матвеевичем пересели в лодку. Максим Матвеевич, разместившись на носу лодки, исполнял роль впередсмотрящего, я – на корме с шестом. Шест – это и двигатель, и руль: упираясь в дно и перебирая руками, лодку можно было направлять в нужном направлении.

Забрались мы в камышовые джунгли достаточно далеко от берега. Выбрали приличный плес и замаскировались в окаймляющем его камыше. Пока мы добирались до облюбованного нами места, начало светать. И тут у нас стало возникать ощущение, что озеро как-то непохоже на себя. Обычно с рассветом жизнь на Ханате оживала: над озером начинал звучать разноголосый хор пернатой живности, плескался карась, плавала ондатра, высоко в небе парили степные орлы. Но в это утро не было слышно ни единого писка, ни единого всплеска. Над озером стояла какая-то звенящая тишина. Я спросил у Максима Матвеевича:

– Что происходит?

– Не могу понять, но что-то здесь не так, – прозвучало в ответ.

Тут я обратил внимание, что небо над горизонтом с той стороны, откуда мы приплыли, какого-то неестественного мутно-желтого цвета. Не придав этому особого значения, мы решили все же немного подождать: возможно, все наладится и нам удастся еще поохотиться. Через некоторое время до нас донесся какой-то непонятный шум. Не успев сообразить, что к чему, мы испытали мощный удар штормового ветра. Озеро стало просматриваться на многие сотни метров, поскольку ураганный ветер многометровый камыш буквально положил на воду. Нашу плоскодонку вместе с нами понесло через камыши и плесы прочь от берега, где находилась наша машина. Я пытался при помощи шеста развернуть лодку против ветра, чтобы двигаться к нашему берегу, но из этой затеи ничего не выходило. Лодку ветром разворачивало в противоположную сторону и продолжало нести в неизвестные нам лабиринты Ханаты. Надо было что-то придумывать, чтобы удерживать нос лодки против ветра и при помощи шеста постепенно продвигаться к на-

шему берегу. Мы оторвали одно из двух поперечных сидений лодки, которое представляло из себя доску около метра длиной. С этой доской Максим Матвеевич разместился на носу лодки и, орудуя ею, как веслом, стал удерживать нос лодки против ветра. Я же что было сил (а тогда они еще были) стал налегать на шест. Ураган продолжал неистовствовать. Сколько времени продолжалась эта борьба за жизнь, я не знаю. Мы все же добрались до того места, где стояла наша машина. Силы окончательно покинули меня. Я не видел, как выбирался из лодки Максим Матвеевич, я же на четвереньках выполз на берег и таким же образом добрался до машины.

Максим Матвеевич сел на переднее сиденье «Жигулей», я – на заднее, за ним. Он достал бутылку водки, налил полный стакан – «всклянь», как говорят рыбаки и охотники, передал его мне и сказал:

– Пей.

Я выпил, закусил салом, которое Максим Матвеевич всегда возил с собой. Второй стакан он выпил сам. В течение минут пятнадцати-двадцати мы не произнесли ни слова. Водка сняла напряжение, расслабила. Ветер стал понемногу утихать, начал накрапывать дождь. После долгой паузы Максим Матвеевич спросил меня:

– Вторую пить будем?

Я ответил, что не хочу. Он тоже не выразил желания. Отдохнув еще некоторое время, Максим Матвеевич произнес:

– Ну не пропадать же добру – пойду подарю бутылку водки водолазам.

«Водолазами» мы называли сплоченную группу охотников из Волгоградского речного порта, которые в те годы постоянно ездили на Ханату. Их было человек пять-шесть. Они ставили большую шатровую палатку, в которой ночевали и отсиживались в случае дождя. В этот злополучный день они тоже приехали на Ханату, и их палатка стояла в метрах двадцати от нашей машины. Максим Матвеевич вышел из машины и направился в сторону палатки водолазов. Через минуту он вышел из нее. В машине он мне рассказал, что, зайдя в палатку, где вся компания водолазов переживала непогоду, поставил бутылку водки посередине палатки и сказал:

– Мужики! Это вам презент! Мы не можем ее выпить – нет сил.

В палатке – немая сцена. Компания водолазов ждала подвоха. Никто из них не мог поверить, что на охоте невозможно выпить всю привезенную водку.

Вторая зарисовка не менее трагичная. Был октябрь. На Ханату мы приехали втроем: Максим Матвеевич, я и Виктор Павлович Колесник, спортсмен-стендовик. На лодке мы разместились следующим образом: Виктор Павлович занял место на носу (он прекрасно знал озеро и должен был прокладывать маршрут), Максим Матвеевич – посередине лодки, я, уже по традиции, стал на корму, чтобы управлять лодкой. Вести ее по Ханате при помощи шеста – дело сложное: нужна тренировка (с первого раза не получится) – шест глубоко уходит в ил, и чтобы извлечь его для следующего отталкивания, надо было прочно стоять на ногах в очень неустойчивой лодке.

Утро выдалось пасмурным, было прохладно. Мы уже достаточно далеко отплыли от берега, когда неожиданно меня подвела моя же сноровка в работе с шестом. В очередной раз отталкиваясь им, я не смог быстро выдернуть его из ила. Лодка ушла вперед, ноги мои остались на корме, а руками я продолжал держаться за конец шеста. На очень короткое время я горизонтально вытянулся над водной гладью, а затем плашмя рухнул в воду. По тем временам специальные гидрокостюмы были большой редкостью. Все охотники пользовались спецодеждой, которую между собой называли «химдым». Это костюмы для противохимической защиты, которые имелись в любой организации: за небольшую сумму его можно было купить на базаре. На мне как раз и был этот «химдым»: сапоги с брюками, поднятыми до груди и держащимися при помощи лямок на плечах. Зачерпнул озерной воды я в этот костюм достаточно. Все, что было на мне под этим костюмом, от плеч до носков, промокло насквозь. Что мне было делать – возвращаться назад? Но это значит испортить охоту моим товарищам. Сначала мы решили, что я доведу все же их до места, где они могут выйти из лодки и стать под камышами. Глубина там обычно небольшая: где-то, вместе с илом, до пояса. На них были такие же

костюмы, что и на мне. Если пододела теплая одежда, то в этих прорезиненных костюмах в осеннее время в озере можно просто-таки достаточно долго.

В одном месте у камышей я посадил Максима Матвеевича. У него имелось даже специально сделанное для охоты на Ханате сиденье с одной ножкой, на конце которой были лопасти, не позволявшие ей глубоко проваливаться в ил. В другом месте вышел и замаскировался в камышах Виктор Павлович.

Оставшись один в лодке, я поставил ее под камышами с подветренной стороны, разделся до трусов, выжал одежду. Вокруг уже началась стрельба. Я окинул взглядом плес и увидел сразу несколько шаек материковой утки, с разных сторон заходивших на плес. Над головой пронеслось несколько чирков. Несмотря на хмурое утро, был прекрасный лет. Меня охватил охотничий азарт. Ружье и патроны были сухими, поскольку находились в лодке. Развесив мокрую одежду на камышах и сделав несколько физических упражнений, чтобы немного согреться, я зарядил ружье. Сразу же на меня вышла небольшая стая уток – мой выстрел был удачным. Дальше – больше. Стреляю почти без промаха по всему, что налетает слева и справа. Попадаю даже в дичь, которая летит достаточно высоко, и в другое время я бы не стал по ней стрелять.

Мои успехи стали замечать другие. На противоположной стороне плеса расположились несколько охотников. На воде очень хорошо слышен разговор на очень большом расстоянии. Слышу, как один из них говорит другому:

– Ты видел, что вытворяет вон тот мужик, в трусах, в лодке на противоположной стороне?!

Другой отвечает:

– Да... Я такого еще не видел! – Может, это какой-то новый прием охоты?

Надо сказать, что вообще стрелком я был посредственным и мазал довольно часто. В этом отношении Максим Матвеевич, например, выглядел гораздо лучше меня. Стрелком он был хорошим. Он в шутку говорил:

– Ребята, вам со мной тягаться слабо – я ведь в танке был наводчиком.

Ну а о Викторе Павловиче вообще говорить нечего: он мастер спорта по стендовой стрельбе. Но в то хмурое октябрьское утро я превзошел их всех. До сих пор не пойму, в чем

заклучался секрет моего охотничьего успеха тогда. Но повторять эксперимент я не стал.

Чтобы у читателя не сложилось представления о том, что каждый наш выезд на Ханату заканчивался каким-то приключением, скажу, что большинство их проходило нормально, без каких-либо происшествий. Мы никогда не ставили себе задачи набить дичью до отказа рюкзаки. Охота для нас была необходимой разрядкой в нашей многотрудной работе.

13. Послесловие

С позиции сегодняшнего дня я считаю, что теми лицами, которые принимали решение об открытии Волгоградского государственного университета, был допущен ряд ошибок. Я полагаю, что лучше и безболезненней было бы создавать университет на базе местного педагогического института, структура которого наиболее близка к университетской. Не могу разделить мнение, которое ранее высказывалось, что на базе пединститута настоящего университета не создать. Все зависит от того, как создавать. Ведь в целом ряде случаев педагогические институты преобразовывались в нормальные университеты. Какой от этого был бы выигрыш?! Университет находился бы в центре города – и это во многом выигрышная позиция: не стоял бы сейчас вопрос о необходимости объединения двух родственных университетов. И, пожалуй, самое главное, с моей точки зрения, – люди, на которых была возложена задача создания нового университета, не надрывали бы своего здоровья и нервов. У нас на это не принято обращать внимание.

Если уж решили на пустом месте создавать университет, то почему бы сначала не построить учебные корпуса, хотя бы год отвести на подбор штата. Ну, год бы преподаватели поработали без студентов, получая зарплату. Им было бы чем заниматься этот год, готовясь к встрече со студентами. Нет, у нас так нельзя: нас медом не корми – дай совершить подвиг! А подвиги чаще всего приходится совершать там, где имеет место равнодушие или просто безответственность. Охота пожить в стране, где всегда есть место подвигу, но совершаются они весьма редко.

В одном не ошиблись высокопоставленные чиновники, решив назначить ректором нового университета Максима Матвеевича Загоруйко. Я свидетель всех тех труднейших задач, которые приходилось ему решать. Спектр их был огромен. Кроме всех проблем, связанных с формированием университета, особенно остро стоял вопрос о строительстве новых учебных корпусов. Это являлось серьезной угрозой развитию университета. Мне, в должности секретаря партийной организации, приходилось вместе с ректором присутствовать на различных совещаниях или посещать кабинеты высокопоставленных чиновников, где решались вопросы университетского строительства. Зачастую дискуссии там накалялись вплоть до перехода на ненормативную лексику. Максиму Матвеевичу все же удалось вывести университет на уровень классического.

Второй его заслугой является то, что он сумел передать университет в надежные руки.

Теперь несколько слов о другом. В начале 1980 года я, вслед за Максимом Матвеевичем Загоруйко, решил принять участие в создании классического университета в Волгограде. В одном из правительственных документов того времени объяснялась его необходимость в нашем городе. Она заключалась в том, что в Нижневолжском регионе был очень низкий процент специалистов с высшим – университетским образованием, которое считалось более престижным, обеспечивающим фундаментальную научную подготовку.

Наша советская система высшего образования развивалась следующим образом. В период революционных событий и Гражданской войны сложившаяся до того времени система высшего образования была практически разрушена. Большая часть ведущей университетской профессуры эмигрировала. Вставшие проблемы, в первую очередь экономического характера, потребовали от Советского государства подготовки специалистов с высшим образованием. Чтобы быстрее решить эту проблему, стали создаваться отраслевые институты. Так, сельскохозяйственные институты подчинялись Министерству сельского хозяйства, медицинские – Министерству здравоохранения, педагогические – Министерству образования и т. д. Материальная, научно-экспериментальная база таких

институтов была слаба. Высшую науку у нас двигала Академия наук СССР. В русском языке даже появилось такое понятие, как «академическая наука», «вузовская наука», «отраслевая наука». Все это привело к тому, что у нас в стране сложилось два уровня высшего образования: университетское и институтское. Во многих анкетах заполняющим надо было указывать в графе «Базовое образование», что они закончили: «университет» или «институт». Свыше было принято решение, что в создаваемый Волгоградский государственный университет принимать преподавателей только с базовым университетским образованием. Нам, первым работникам университета (я имею в виду себя, Р.Л. Ковалевского, Т.В. Максимова), «простили» «ущербность» нашего – институтского – образования.

У меня все же имелся опыт обучения в классическом университете. Когда я учился на последнем курсе Волгоградского государственного педагогического института, решился вопрос о моей будущей работе в нем в качестве преподавателя по древним периодам истории. Чтобы получить более углубленную подготовку по дисциплинам этого цикла, я был отправлен на семестровую стажировку в Ленинградский, ныне – Санкт-Петербургский, университет. Там я сразу почувствовал разницу в системе подготовки специалистов в пединституте и университете. На историческом факультете Ленинградского университета практически с первого курса начиналась специализация по различным направлениям истории. Студенты разделялись на небольшие группы и включались в работу семинаров, которыми руководили известные ученые. Я, например, кроме различных лекционных курсов, посещал семинары по скифской археологии и истории ранних славян профессора Михаила Илларионовича Артамонова, ученого с мировым именем. Занятия проводились на кафедре археологии за большим массивным столом, видимо, еще Екатерининских времен. Приходило человек восемь-десять, среди них – два гражданина Конго. Когда случались сильные морозы, количество семинаристов уменьшалось, поскольку жители Африки в эти дни в университете не появлялись. Занятия проходили достаточно демократично, обычно в форме бесед: у профессора всегда можно

было о чем-то, кажущемся тебе непонятным, спросить или что-то уточнить.

Все это разительно отличалось от того, с чем я имел дело в своем пединституте. Специализаций там никаких не было, семинарские занятия проводились по общим курсам в рамках академической группы (в среднем 25 студентов). Уже работая в пединституте и обучаясь в аспирантуре в Москве, я посещал многие университеты и был хорошо знаком с системой подготовки в них специалистов.

Став у основания формирования исторического факультета Волгоградского государственного университета, я достаточно четко представлял себе, что следует делать. Я и мои коллеги приложили много сил для развития специализаций. Была проделана большая работа, подобраны специалисты, разработаны спецкурсы и программы спецсеминаров, подбирались необходимая литература. Уже в 80-е годы на историческом факультете выстроилась достаточно эффективная система специализаций, по каждой из них читалось до девяти спецкурсов, две-три спецдисциплины, ведущие преподаватели руководили годовыми спецсеминарами. Тогда я четко понимал, чем наш университет отличается от родственного педагогического института. Многие наши выпускники исторического факультета тех лет заняли ответственные должности, они стали успешными в своем деле. Немалая заслуга в этом – качественное университетское образование. Я считал ранее, считаю и сейчас, что качественно подготовленные специалисты, в частности по истории, всегда выходили из профессорских семинаров. Такая система подготовки зародилась давно и всегда себя оправдывала. И практика, вплоть до настоящего дня, ничего лучшего не придумала. Внедряемые технические средства – это более совершенные инструменты, обеспечивающие учебный процесс, но новых идей они не генерируют.

Начавшиеся изменения в нашей стране изменили и сам характер высшего образования. Введение системы «бакалавриат – магистратура» упразднило само понятие «классический университет». Теперь я не знаю, чем мы отличаемся, например, от того же педагогического университета. Программы бакалавриата там и здесь не предусматривают

специализации, а система подготовки в магистратуре везде одинакова.

Прошедший «парад университетов», когда в одночасье все институты стали университетами, не усилил нашего высшего образования. Наши, особенно провинциальные, университеты малы и слабы в материальном отношении. Если уж наш флагман высшего образования – Московский государственный университет в мировом рейтинге вузов находится где-то в третьей сотне, то что уж говорить о наших провинциальных университетах. Но вот по количеству университетов даже Волгоград может дать фору любой европейской столице.

В нашем городе университетов, академий, институтов и филиалов различных вузов, говорят, где-то около сорока. Раньше в Волгограде, вместе с Качинским авиационным училищем, было девять высших учебных заведений. Появилось много частных учебных заведений. Открывать коммерческие высшие учебные заведения не возбраняется. Во многих странах имеются государственные и частные университеты, последние зачастую занимают лидирующие позиции в высшем образовании этих стран. У нас, при отсутствии жесткой аккредитации, во многих вновь создаваемых вузах и различных филиалах главным являются не качество знаний, а соображения коммерческого характера.

В Волгограде не расширять, а сокращать надо количество высших учебных заведений, причем отдельные – за счет их объединения. Например, в нашем городе имеются два достаточно близких по структуре университета – государственный и педагогический. Необходимость их объединения, а может быть, еще и других вузов, в один большой и более сильный университет давно назрела. Но решать эту задачу никто не собирается – слишком много хлопот. Вон уже сколько лет в Ростове создают из нескольких вузов федеральный университет, а пока ничего путного не выходит.

Мы начинали создавать наш университет при одной политической системе, сейчас живем при другой. Поставленную перед нами задачу – создать Волгоградский классический университет – мы с честью выполнили. Такой университет был создан и в течение ряда лет он успешно функционировал в этом качестве.

Теперь наступили другие времена. Коль страна решила шагнуть в ногу с остальным человечеством, необходимо унифицировать и высшее образование. Перед университетом ставятся новые задачи. Его дальнейшее развитие и авторитет будут во многом зависеть от того, насколько успешно он будет развиваться как центр науки. Уже началась, хотел

сказать по привычке – «борьба», нет, лучше – «работа» по переходу Волгоградского государственного университета в это новое качество. Мы (я имею в виду старшее поколение – тех, кто пришел в университет в первые годы его существования) взялись за эту работу, но решать ее исход, видимо, не нам. История называет новые имена.